

ЧЕХОВСКИЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

Изъ воспоминаній.

Мнѣ хочется обратить вниманіе почитателей А. П. Чехова на одинъ эпизодъ изъ его жизни, о которомъ—я увѣренъ—огромное большинство его поклонниковъ совсѣмъ не знаетъ или же не помнитъ.

Въ 1898—99 гг. среднее и южное Поволжье было поражено почти полнымъ неурожаемъ хлѣбовъ и травъ. Съ осени началась формальная голодовка. Среди населенія появились цынга, тифъ и другіе зловѣщіе спутники голода. Въ Самарѣ, гдѣ я тогда жилъ, образовался частный кружокъ для помощи голодающимъ, въ дѣятельности котораго мнѣ пришлось принять участіе.

Мы разсылали составленныя нами воззванія разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, приглашая къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ и въ то же время организуя помощь на мѣстахъ. Многія лица принимали къ сердцу наши воззванія и дѣлали, что могли.

Но особенно горячо и сердечно отнесся къ этому дѣлу жившій тогда въ Ялтѣ, на дачѣ г-жи Иловайской, Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Онъ тотчасъ же откликнулся на наше воззваніе, выразивъ полную готовность лично заняться собираніемъ пожертвованій въ пользу голодающихъ самарцевъ. Для этой цѣли ему была выслана мною особая книжка, состоящая изъ талоновъ и квитанцій; для записи поступающихъ пожертвованій. Онъ очень быстро использовалъ эту книжку и собранныя по ней деньги немедленно прислать намъ, при чемъ просилъ выслать ему новую книжку, чтобы продолжать сборъ. Конечно, я не замедлилъ исполнить его желаніе.

Вторая книжка была столь же быстро использована Чеховымъ, за ней послѣдовали третья, четвертая, пятая и т. д.

И въ теченіе всего времени, пока продолжалась наша „продовольственная кампанія“,—а она продолжалась цѣлый годъ, съ осени 1898 до осени 1899 года,—Чеховъ не усталъ собирать пожертвованія въ пользу голодающихъ крестьянъ Самарской губерніи, съ замѣчательной аккуратностью высылая намъ собранныя имъ деньги.

Судя по этимъ книжкамъ, видно, что Антонъ Павловичъ привлекалъ къ пожертвованіямъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, а также всѣхъ лицъ, съ которыми онъ въ то время приходилъ въ соприкосновеніе: тутъ и писатели, и артисты, и профессора, и актрисы, и академики, и земскіе дѣятели и т. д.

„Книжку за № 73-мъ я получилъ, — писалъ онъ мнѣ 20 ноября 1898 года.—Могу ли я напечатать въ мѣстной газетѣ, что у меня имѣется книжка для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ и что я принимаю пожертвованія? Не откажите отвѣтить“.

Понятно, что за разрѣшеніемъ дѣло не стало. Вслѣдъ за этимъ въ „Крымскомъ Курьерѣ“ появляется статья, въ которой описывалось бѣдствіе, поразившее Самарскую губернію, а также приводились свѣдѣнія о дѣятельности нашего кружка, о его задачахъ и цѣляхъ. Въ заключеніи статьи указывалось, что пожертвованія въ пользу голодающихъ самарцевъ можно направлять на имя А. П. Чехова (Аутская улица, дача г-жи Иловайской), а иногородные читатели приглашались отсылать ихъ въ Самару, на имя пишущаго эти строки.

Впослѣдствіи Ант. Павл. не разъ обращался къ содѣйствію мѣстной, т.-е. крымской, печати, сообщая свѣдѣнія какъ о размѣрахъ голода, отъ котораго страдало населеніе Поволжья, такъ и знакомя общество съ дѣятельностью нашего кружка. Все это, разумѣется, какъ нельзя болѣе способствовало притоку пожертвованій въ нашу кассу, и такимъ образомъ давало намъ возможность расширять нашу дѣятельность по борьбѣ съ голодомъ¹⁾.

Помимо сбора пожертвованій и пропаганды въ печати, Антонъ Павловичъ много хлопоталъ о томъ, чтобы въ Ялтѣ устраивались спектакли, концерты и вечера въ пользу самарскихъ крестьянъ, которые пухли отъ голода и цынги.

¹⁾ Читатели, интересующіеся этой стороной дѣла, могутъ найти подробныя свѣдѣнія въ моей книгѣ «Голодающее крестьянство», М. 1906 г.

И такъ какъ онъ пользовался въ Ялтѣ рѣдкой популярностью и общей симпатіей, то, благодаря ему, тамъ дѣйствительно устраивались и спектакли и вечера, сборы съ которыхъ онъ спѣшилъ пересылать въ далекую Самару.

Я крайне сожалѣю, что въ данную минуту не имѣю подъ рукою всѣхъ писемъ Антона Павловича ко мнѣ и потому не могу привести извлеченія изъ нихъ, чтобы наглядно показать читателямъ, какъ много внимательной заботливости, какъ много сердечнаго участія—искренняго и трогательнаго—вложилъ онъ въ дѣло помощи голодающимъ крестьянамъ Самарской губерніи, въ которой,—сколько помнится,—онъ никогда даже и не бывалъ...

Вскорѣ послѣ этого появились въ печати его „Мужики“. И какъ странно мнѣ было читать и слышать упреки по адресу автора, котораго разные черезчуръ пронизательные критики обвиняли въ холодномъ, презрительномъ отношеніи къ русской деревнѣ и къ русскому мужику.

Въ заключеніе еще одна подробность, какъ нельзя болѣе характерная для Чехова.

За годъ времени, пока приходилось работать на голодѣ, у меня накопилось не мало писемъ Антона Павловича и особенно почтовыхъ переводовъ съ деньгами, которыя онъ присылалъ ко мнѣ. Узкія полоски этихъ переводовъ, съ надписью „для письменнаго сообщенія“, каждый разъ были сверху донизу исписаны Чеховымъ, его мелкимъ, бисернымъ почеркомъ.

Тутъ онъ ухитрялся сообщать множество разныхъ свѣдѣній и подробностей, которыя должны были интересовать меня: и о ходѣ сборовъ его въ пользу голодающихъ самарцевъ и о спектакляхъ и концертахъ, которые устраивались въ Ялтѣ съ этой же цѣлью, конечно, главнымъ образомъ, подъ его влияніемъ; затѣмъ указывалъ лицъ, которымъ слѣдовало бы, по его мнѣнію, послать книжки для сбора пожертвованій, и т. д.

По окончаніи голодовки я напечаталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ рядъ очерковъ, въ которыхъ подробно, какъ очевидецъ, описалъ ужасы, пережитые поволжскимъ населеніемъ, и отношеніе къ этой голодовкѣ со стороны какъ мѣстныхъ властей, такъ и центральной администраціи. Но, кромѣ того, мнѣ хотѣлось выяснитъ въ своихъ очеркахъ отношеніе различныхъ слоевъ общества и самого народа къ такому крупному явленію, какъ голодовка огромнаго

района, состоящаго изъ цѣлаго ряда губерній, а также отношеніе отдѣльныхъ, наиболѣе выдающихся личностей изъ общества.

Для этого, конечно, пришлось бы пользоваться, главнымъ образомъ, письмами жертвователей, приславшихъ деньги, а также письмами тѣхъ лицъ, которыя лично и непосредственно производили сборъ денегъ въ пользу голодающихъ.

Сообщая о своемъ замыслѣ Чехову, я въ то же время просилъ его разрѣшенія воспользоваться для моей цѣли, между прочимъ, и его письмами ко мнѣ. „Вы такъ много сдѣлали для дѣла помощи голодающимъ самарской губерній,—писалъ я ему,—проявили такъ много сердечности въ этомъ дѣлѣ, что мнѣ предстоитъ подробно остановиться на вашемъ участіи, на вашемъ отношеніи къ только что пережитому народному бѣдствію“.

И вотъ на это Чеховъ, въ своемъ письмѣ отъ 5 февраля (1900 года), такъ отвѣчаетъ мнѣ: „Что касается моихъ прошлогоднихъ писемъ, то, простите, я противъ того, чтобы вы ихъ напечатали. Большое вамъ спасибо, я прекрасно понимаю, въ чемъ дѣло, и цѣню высоко ваши намѣренія и ваше отношеніе ко мнѣ, и уклоняюсь отъ напечатанія моихъ писемъ только по причинамъ, такъ сказать, психологическимъ. Напечатаніе связало бы меня на будущее время; потомъ, когда бы я писалъ письма, я былъ бы уже не свободенъ, такъ какъ мнѣ все казалось бы, что я пишу для печати“.

Не правда ли, какъ это характерно, какъ это прекрасно рисуется въ высшей степени скромный духовный обликъ милаго Антона Павловича?

А. С. Пругавинъ.

